

Игорь
СИД

ГЕОПОЭТИКА

Пунктир
к теории
путешествий

А л е т е й я

Игорь Сид

**Геопоэтика. Пунктир
к теории путешествий**

«Алетейя»

2017

УДК 008
ББК 71

Сид И. О.

Геопоэтика. Пунктир к теории путешествий / И. О. Сид —
«Алетейя», 2017

ISBN 978-5-906910-84-4

В сборник вошли тексты Игоря Сиды, посвященные многообразным и многоуровневым формам взаимодействия человека с географическим пространством, с территорией и ландшафтом: художественные эссе и публицистические очерки 1993–2017 гг., в том числе из авторской рубрики «Геопоэтика» в «Русском журнале», а также исследовательские статьи и некоторые интервью. Часть текстов снабжена иллюстрациями; отдельным разделом дан откомментированный фотоальбом, представляющий самые разные срезы геопоэтической проблематики. Поэт, эссеист, исследователь, путешественник Игорь Сид – знаковая фигура в области геопоэтики, инициатор в ней научного и прикладного направлений и модератор диалога между направлениями – литературно-художественным, прикладным (проективным), научным, а также между ними и геополитикой. Работал биологом в тропиках и в Антарктике, гидом по Мадагаскару. Основатель Крымского геопоэтического клуба, куратор Боспорского форума и многих других инновационных культурных проектов. Организатор первых международных конференций по геопоэтике и по антропологии путешествий.

УДК 008
ББК 71

ISBN 978-5-906910-84-4

© Сид И. О., 2017

© Алтейя, 2017

Содержание

Приключения геоцентриста, или Тормоза отменяются	7
Города и локальные мифы	10
Крым: предчувствие новой мифологии	10
Екатеринославъ. Въ ожиданіи приятной катастрофы[7]	16
Город вечной мечты[14]	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Игорь Олегович Сид
Геопоэтика. Пунктир к теории
путешествий. Эссе, статьи, комментарии

© И. Сид, 2017

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2017

* * *

Приключения геоцентриста, или Тормоза отменяются

*Если бы у меня была возможность подарить Сиду всё что душе
угодно, я подарил бы ему пароход...*

Может быть, даже и философский.

А. Поляков

С автором этой книги я знаком и дружен около четверти века, со времён первых Боспорских форумов современной культуры в Керчи, о которых, как и о многом другом, читатель узнает в изложении самого Игоря Сида (хотя и мне доводилось писать об этом в своих статьях и книгах). С тех пор мы периодически участвуем и в других проектах друг друга. Настоящая дружба должна быть проективной, как и настоящая геопоэтика.

В сфере геопоэтики Сид с середины 1990-х годов – фигура центральная как минимум на постсоветских и соседних с ними пространствах, выполняющая одновременно и расширительные, и собирательные функции. Он дополнил эссеистическую геопоэтику Кеннета Уайта научным и проективным (прикладным) направлениями, и выстраивает все эти годы диалоговое пространство для поиска общего языка между адептами разных геопоэтических дискурсов.

Разделы сборника скомпонованы хронологически, и уже в первых трёх из них (посвящённых, соответственно, Крымскому полуострову, городам Днепропетровск и Керчь) сквозной темой мерцает концепт культурной утопии. Дальше – больше... Геопоэтика имеет дело прежде всего с существующими топосами, однако утопия – не менее важное для неё понятие. По словам Сида, даже саму книгу он первоначально предполагал назвать «Геопоэтика утопии».

Но что такое *утопия* без *антиутопии*? Это как геопоэтика без геополитики. Философ Михаил Эпштейн однажды, отвечая на вопрос автора этого предисловия насчёт подобных соответствий, сравнил сопряжение этих жанров в литературе с водительским искусством, которое сводится к попеременному нажатию педалей газа и тормоза. Утопия – форма постановки задачи, антиутопия – приостановка её неудачных реализаций. Вот и Сид предпочитает воплощать утопический потенциал под лозунгом «Будьте реалистами, требуйте невозможного!» И автору удаётся большая часть из задуманного, а что не удаётся сразу – откладывается до лучших времён.

Приоритет утопии в своей концептуалистской и литературной деятельности автор демонстрирует, представив в самом начале корпуса текстов эссе о городе Днепропетровске, как потенциальной площадке одного очень давнего (первой публикации более 20 лет), но *не реализованного* до сих пор проекта. А вот эссе о Донецке 2012 года с некоторым элементом антиутопии – об этом тексте теперь говорят: «Чувствуется, что что-то здесь должно было произойти...»

В последнем разделе сборника (Приложение) автор делится «лишними» мыслями, высказанными в разные годы в диалогах для медиа разных стран. Антиутопия, жанр предупреждения проступает у Сида, например, в интервью 2008 года, где он говорит об угрозе «*попадания культурного пространства Крыма в силовое поле нового, почти апокалиптического конфликта*».

Заметим, что при этом автор почти не пользуется понятием геополитики – разве только чтобы подчеркнуть её глубинную генетическую связь с геопоэтикой, и при этом их концептуальную противоположность. Мировая картография Сида не признаёт политику, её грубые силовые линии. «*Что есть революция, особенно коммунистическая, как не усилие по приближению земного рая? Но приблизить его можно двумя способами: свергнув реакционное правительство, либо выдвинувшись в экспедицию в тропики*».

Характерно, что сидовская статья с геопоэтическим бэкграундом «Крым, Украина, Россия: призрачный шанс», написанная летом 2014 года по заказу либерального японского жур-

нала, была через полгода переопубликована на российском сайте консервативной имперской ориентации – без малейших правок и лакун... Что это – умение, не свалившись в пропасть, пройти по лезвию ножа? Или простодушное, но оттого не менее триумфальное, игнорирование всяческих ножей и пропастей? Судя по всему, мир видится Сиду в совершенно иных разрезах. «...*Напрашивается метафора некоей духовной Гондваны, мистического прамаатерика человечества, расколовшегося когда-то на разноцветные куски. И люди разных цветов кожи обречены на вражду и ненависть друг к другу, – но кто-то всё же должен взять на себя поиск утраченного целого!*».

Можно сожалеть, что в сборник не включены некоторые из текстов, представляющих определённые вехи в геопоэтическом творчестве Сиды – доклад на международном симпозиуме по Челябинскому метеориту (2013) или, скажем, совместная с культурологом Екатериной Дайс исследовательская работа ««Переизбыток писем на воде»: Крым в истории русской литературы» (2010). Концептуальным выглядит то, что в книге почти не представлен широкий корпус сидовских текстов о его любимом Мадагаскаре: логично ожидать о Великом острове отдельную книгу.

Сид сетовал, что не удаётся разбить корпус текстов на разделы по разновидностям геопоэтики – литературная, путешественная, проективная, научная. Почти каждый текст содержит у него элементы всех геопоэтик. Недаром именно он предложил когда-то первое строгое определение геопоэтики, и он же является сегодня автором наиболее общей, интегральной научной дефиниции: «*геопоэтика – это работа с ландшафтно-географическими образами и мифами*». Книга демонстрирует возможности такой работы в разных жанрах одновременно, максимально широкое воплощение геопоэтических идей и векторов – насколько это совместимо в одном авторе.

Потому что главное, что есть в этих текстах, и что важно в самом их авторе – это *геоцентризм*. Геоцентризм не как математико-астрономическое, а скорее как психологическое, эстетическое и т. д. явление. Погружённость в ландшафт, взаимная отражённость – себя в ландшафте и ландшафта в себе.

Острые, глубоко личные взаимоотношения с географической средой, способность увидеть её пространственный рисунок во всём, включая окружающие чужие тексты – авторский стиль мультижанрового геоцентриста Сиды. «*И я понял, что... необыкновенный, магнетический город Керчь больше не пускает меня писать о нём*»... «*Травма... больше говорит не о стране посещения, а о странностях посетившего*»...

Единственный раздел книги, выстроенный в обратном хронологическом порядке – «Геопоэтика в картинках»: фотоальбом из путешествий, откомментированный в свете разных геопоэтических ракурсов. Автор, как всегда, верен своему многоуровневому подходу к теме географического пространства как контекста жизни человека и объекта для его интеллектуальных жестов. Отмечу особое внимание к теме небес и их неразрывной и непростой связи с Землёй (вспоминается пассаж из одного эссе, о «*сложно структурированном прозрачном небе Днепротровска*»). Вообще, комментарии здесь чаще всего имеют самостоятельную ценность и вполне могут рассматриваться как мини-эссе.

Взаимосвязи человека с ландшафтом, с географической средой бывают и буквальными, прямыми, телесными. В эссе «Город вечной мечты» Сид описывает испытанное им особое ноосферное состояние: «*физиологическое ощущение единства с геологическим пространством вокруг*». А уже на втором Боспорском форуме Сид придумал и осуществил с коллегами перформанс «Юз-Адын-Обá»: создание нового скифского кургана и захоронение в нём «творческих талисманов». Каждый участник оставлял что-то очень своё: лист черновика, волос возлюбленной, любимую авторучку и т. д. Символичен был вклад Сиды, брошенный в яму на вершине кургана: капля крови из пальца, надрезанного для этой сакральной цели.

С особенной симпатией автор говорит о коллегах, также выказывающих признаки или интенции геоцентризма. *«Понимая себя полпредом города в искусстве, Матрунецкий часто подписывал работы псевдонимом «Жорж Керч»». «...Ещё Лёлик дорог мне тем, что иногда ему снится, будто он – Крымский полуостров, и ему очень больно от всех этих шоссейных и железных дорог».*

Геоцентризм сидовского разлива биографически проявляется почти во всём. Авторы возникшей в 1992 году крымско-московской поэтической группы «Полуостров» (М. Лаптев, Н. Звягинцев, М. Максимова, А. Поляков, И. Сид) решили между собой, что олицетворяют в поэзии, дополнительно друг к другу, пять природных стихий. Сид, разумеется, оказался воплощением стихии Земли. А например в 1997 году, наложив схему Москвы с отмеченными на ней основными литературными клубами и салонами на картограмму тектонических разломов под поверхностью столицы, он обратил наше внимание на то, что самые успешные проекты реализуются в геопатогенных зонах. (В таких зонах, как известно, люди испытывают головокружение: видимо, от успеха...)

В одном из текстов Сид признаётся, что *«взаимоотношение человека с пространством, с географической средой табуизировано, оно выталкивает, парализует рефлексирующее на эти темы сознание».* О том же в другом очерке: *«Тема, как заколдованная, выталкивала при попытках в неё погрузиться»...* В каком-то смысле, и данный сборник эссе, статей и комментариев, и вся жизнь его автора – это изнурительная и изобретательная борьба с этим ментальным параличом.

Обобщая, можно сказать, что жизнь Сиды – одно из любопытнейших воплощений «пространственного поворота» (*space turn*, смещение внимания гуманитаристики с исторического ракурса на ракурс пространственно-географический) на отечественных просторах. Поэтому корпус текстов книги становится своеобразной геоцентрической автобиографией, – или, как выражается Андрей Поляков, *автогеографией.*

Если проследить тематику представленных работ по годам, видно, что в последнее время автора всё сильнее интересуют проблемы не только взаимоотношений человечества с географическим пространством, но и зоософии – осмысления образов животных и фантастических существ в мировой культуре (см. эссе «Двое в одном скафандре», «Донецк: амнистия джиннам», доклад «Нам нужна «мифологически насыщенная» федерация» и др.). Об этом, вероятно – одна из будущих книг. Недаром две собственные рубрики, которые Сид вёл все эти годы в «Русском журнале», назывались «Геопоэтика» и «Зоософия».

Подытоживая всё сказанное, интересно было бы определить истоки сидовского геоцентризма. Где они? Может быть, в «земном» знаке Зодиака (рождён в начале января)?.. В давних занятиях лэнд-артом? В работе гидом на Великом острове Мадагаскаре? В кругосветных научных экспедициях времён молодости? (Отголосок фрегата «Паллада» в разных текстах не случаен.) Возможно. Но вчитаемся в давнее, 1988 года, стихотворение Сиды «Воздух – Земля», написанное после армейских сборов, где автору книги довелось впервые прыгать с парашютом, и где его товарищ по вылету погиб: над ним не раскрылся спасительный купол... Окончание текста звучит так:

*...Как в расколотом бублике дырка сливается с целой
пустотой мироздания, так исчезает вдали,
коллапсируя, страх. Продолжая инерцию тела,
я дошёл до предела. Душа моя в центре Земли.*

Александр Люсьи

Города и локальные мифы

Крым: предчувствие новой мифологии Боспорский форум как попытка к возрождению таврического мифогенеза¹

Axis aestheticus mundi Tauricam transit.

Biberius Caldus Mero²

*«...культурологически наиболее обусловленная стартовая площадка
для путешествия духа...»*

Изяслав Гершмановских

Крым как географическая и культурная «вещь в себе», как тысячелетняя энигма, всегда приковывал к себе взор и будоражил фантазию мыслителей и романтиков. Отражающие героическую историю и повседневную жизнь полуострова вдохновенные тексты – от эпизодов «Одиссеи» до «Крымских сонетов» Мицкевича и пушкинского «Бахчисарайского фонтана» – участвовали в формировании порождаемых этой землёй мифов. Хрестоматиен тот факт, что именно Таврида послужила субстратом для возникновения этической мифологемы планетарного значения – образца верной жертвенной дружбы («...с Атридом спорил там Пилад...»: «Ифигения в Тавриде» Эврипида). Однако отмечаемое некоторыми исследователями ослабление здесь с приближением новейшего времени процесса мифообразования (например, Кнутс Адевитс, монография «*Исторические этапы мифогенеза в Крыму как отражение смены общественно-экономических формаций*», Тарту, 1957 г.) вынуждает нас ставить вопрос о необходимости целенаправленного заполнения этой всё отчетливее зияющей ниши. Природа, в том числе человеческая, не терпит пустоты. И во избежание самопроизвольного формирования характерных для эпох великих катаклизмов эсхатологических и демонологических мифов мы обязаны предложить этому гуманистическую альтернативу.

Один из последних случаев спонтанного позитивного мифотворчества имел место в середине – конце XIX века, когда реальный образ дерзкого татарского разбойника Алима трансформировался в архетипического вневременного героя – народного мстителя и защитника. Имевшие место в действительности экзотические подробности (сам Айвазовский пивал с Алимом кофий, а француженка Леони Лелоррен исполнила его портрет в симферопольском остроге) лишь работали на эту легенду³.

Процесс сошёл на нет уже к концу первой трети XX века, с незаметной смертью последнего великого отечественного мифотворца Максимилиана Волошина. При этом выстроенный им миф под названием «Коктебель» почти гомеостатически функционирует – посреди окружающего мифологического вакуума – и по сей день, повторяя себя, как Фойникс, и так же сгорая с каждым новым писательским поколением.

---

¹ Статья была написана осенью 1993 года по окончании 1-го Боспорского форума. Опубликовано в газетах «Гуманитарный фонд» (М., 1994. – Вып. 2/199. – с. 1–4. / «Боспорский Форум современной культуры»: Специальный выпуск) и «ГФ – Новая литературная газета» (М., 1994. – Вып. 2. – с. 1–4. / «Боспорский Форум современной культуры»: Специальный выпуск).

² «Эстетическая ось мира проходит через Крым». Биберий Кальдий Мерон.

³ Вероятно, развитию легенды способствовал художественный фильм об Алиме-разбойнике Георгия Тасина (1926). Так, по словам киевского литературного критика Юрия Володарского, его отца при рождении нарекли Алимом в честь отважного главного героя этого фильма.

Иллюстрируя в начале 90-х новое издание «Легенд Крыма» и проработав с данной целью массу архивных и прочих материалов, автор этих строк обратил внимание на то, сколь искусственными и, ergo, безжизненными оказывались попытки выработки новых локальных мифологем во второй половине века. «Мёртвые немцы на мысе Херсонес»: тысячи окружённых под Севастополем фашистов притворяются убитыми, чтобы не быть расстрелянными под горячую руку. «Старик с мыса Казантип» – человек, приобретший необычайную мудрость, просидев в погребе с гражданской войны до наших дней, и т. д. Видимо, не было в наличии неких необходимых условий, способствующих переходу исторического факта в устойчивую легенду и затем – в более или менее символизированный миф. Выяснение этих условий, природы этого механизма – тема отдельных исследований, а пока эти закономерности не вскрыты, нам также придётся действовать в определённой мере вслепую.

..Разумеется, строить абсолютно суверенную мифологию на «одном отдельно взятом полуострове» – утопия. Сама картографическая обособленность Крыма временами размывалась геополитическими флуктуациями. Так, Боспорское царство включало города на азиатской стороне пролива; Таврическая губерния распространялась на сопредельные северные территории. Однако Василий Аксёнов методом мифологического моделирования в романе «Остров Крым» показал инвариантную (при любых политических раскладах) уникальность исторической судьбы полуострова. Периодическое сплавление разноплеменного конгломерата с возникновением эндемичных этносов (тавры, крымские татары, караимы, крымчаки, наконец, виртуальные «яки» Аксёнова) – лишь одно из проявлений этой исключительности. Её осознание неизбежно приводило к определённой сакрализации связей с внешним миром. Именно иерархичным отношением ко всему чужому, а вовсе не вульгарной ксенофобией обусловлен, например, зафиксированный Эврипидом таврский ритуал принесения в жертву богине-Деве всех достигших этих берегов иноземцев.

Вырождение этой тенденции в советскую эпоху привело в культурном плане к эстетическому изоляционизму, неприятию новшеств современного искусства – на фоне игнорирования в целом мирового культурного тезауруса. Пуповина, соединяющая полуостров с материком Истории, оказалась где-то передавленной. И сегодня никого здесь не удивляет, когда, например, почтенный лидер писательского союза в декларативной статье, с автодефиницией «мы, мастера культуры» уже в заглавии, сообщает читателю, что «*в начале всех начал было Слово, – сказано в Пятикнижии Моисеевом*».

Знакомство с культурой понаслышке (свойственное, впрочем, и автору данных заметок) – весьма любопытный, но, к сожалению, пока малоизученный феномен социального бытия нынешнего Крыма. Нас же он в данном контексте интересует как отправная точка для неомифологических построений, как констатация подходящей для изысканий (изысков) TABULA RASA.

Итак, табула раза. Зря в корень, обнаруживаем, что дословный перевод этой идиомы не просто «чистая доска», но «доска выскобленная» (лат. gado – «скребу»). Т. е. подразумевается предварительное наличие некоего осмысленного текста. Тем многозначнее, за счёт семантических переключек, может быть конечный палимпсест, чем содержательнее была стёртая надпись. В нашем случае идеальным опытным полем является крымский город Керчь (он же Пантикапей, Боспор, Карх, Корчев, Черкио, Воспро и т. д.), зиждущийся на почти трёхтысячелетнем историческом фундаменте, включая, прежде всего, мощнейший во всём Причерноморье скифо-эллинистический пласт.

Ныне город представляет собой крайне индустриализированное захолустье, проникнутое преимущественно пролетарской («нечего терять, кроме цепей»), отчасти даже люмпенской ментальностью. Последнее яркое напоминание о великолепной Античности – белокаменный Музей Древностей в виде копии афинского храма Тезея, возведённый в начале XIX века на горе Митридат стараниями просвещённых градоначальников, – разрушен центробежной силой

забвения (точнее, новыми градоначальниками) всего лишь полвека назад, т. е. в мирное время. Трагический дефицит здесь прослойки творческой интеллигенции – безусловное препятствие для распространения мифологии, опирающейся на культурные реалии, но, с другой стороны, дополнительная гарантия чистоты эксперимента.

Для создания географически локализованных мифов проще всего было бы задействовать имеющийся местный фактологический материал. Крым, этот активнейший участок ноосферы Земли, является бездонной сокровищницей забытых до востребования редких эпизодов, неповторимых свидетельств взаимодействия человека с человеком и с окружающим ландшафтом.

Не здесь ли, опасаясь возвращения давно ушедших на войну мужчин, таврские женщины вместе с заменившими им мужей рабами возводили близ Акмонайского перешейка колоссальный вал со рвом, названный впоследствии Аккосовым или Киммерийским? Здесь, здесь. Здесь под присмотром персидского шпиона гастролировал – с полным аншлагом, между прочим! – любимец Филиппа и Александра Македонских кифаред из Олинфа Аристоник⁴. Здесь, как сообщает Теопомп Синопский в трактате «О землетрясениях», на Боспоре Киммерийском *«рассёкся холм, выбросив кости огромного размера, так что сложенный скелет составил 24 локтя...»*. Повторяя в обратном направлении маршрут Андрея Первозванного (от Херсонеса к Боспору), считающийся отцом славянской азбуки Константин-Кирилл обнаружил в местной библии *«руския письмены»*, – а затем жёг на капищах тысячелетние дубы Тенгри-Хана на своём миссионерском пути через Крым в Хазарию, к славному поражению – согласно мусульманским и иудейским хроникам, – или победе, согласно христианским – в богословском диспуте с иудейским мудрецом. Здесь же через Кафу (Феодосию) возвращался домой из *«хаджда за три моря»* Афанасий Никитин...

И всё же лучше побережем на чёрный день этот мощный потенциал и пойдём по пути использования другой, кинетической энергии (накопленной в результате всех вышеприведённых рассуждений), делая упор на создание свежих прецедентов, осуществление новых исторических событий. Учитывая уже упомянутую характерную для Крыма некую сакральность в отношении ко всему некрымскому (перерождающуюся повсеместно в примитивное суеверное отторжение), мы попытаемся актуализировать её исконную позитивную составляющую путём осторожного введения тех самых *«новшеств современного искусства»*...

Боспорский форум, существовавший до этой осени только в теоретических разработках крымско-московской литературной группы «Полуостров» (Андрей Поляков, Михаил Лаптев, Игорь Сид и «примкнувшие к ним» Николай Звягинцев и Мария Максимова) и их друга и критика Изяслава Гершмановских, задуман как действо, периодически, раз в год или в несколько лет, повторяющееся, поэтому в качестве первичного художественного полигона избрана (так сказать, для низкого старта) *tabula rasa* «в чистом виде» – необитаемый (по окончании очередного бархатного сезона) остров Тузла, или Средняя Коса, в центре Керченского пролива. Ещё в античности здесь велись рыбные промыслы; Тузла соединялась тогда песчаным перешейком с азиатским берегом, представляя собой полуостров, и упоминалась в периплахе как Акмэ (!) – *«остриё, оконечность»*. *«Волею судьбы остров находится между Меотидой и Понтом, Европой и Азией, Крымом и Кавказом, Украиной и Россией. Здесь, в ситуации а ля Крузоэ, особенно остро ощущается сартровская заброшенность в историческом провале между Античностью и Апокалипсисом...»* (цитата из программных документов Форума).

⁴ Аристоник Олинфский. Греческий историк Полиен в труде *Strategika* («Военные хитрости») сообщает, что полководец Дария III Мемнон *«во время борьбы с боспорским тираном Левконом, желая узнать о величине неприятельских городов и числе их жителей, послал на триере в качестве посла к Левкону византийца Архибиада, под предлогом переговоров о дружбе и связях гостеприимства, и вместе с ним отправил олинфского кифареда Аристоника, в то время пользовавшегося наибольшей славой у эллинов, для того чтобы посол мог познакомиться с численностью населения в то время, как они мимоездом будут приставать к берегам, кифаред станет показывать своё искусство и жители будут поспешино собираться в театры...»*.

27 сентября 1993 года, в первый день Форума, небольшой десант новоявленных робинзонов-«акмеистов» – московских художников во главе с куратором, редактором журнала «Искусство» Михаилом Боде – высадился на Тузле, полный решимости, по выражению последнего, «*окультурить пустынный ландшафт*».

Работу Ростислава Егорова, представлявшую собой возвышенную фразу на языке международного общения, в виде растянувшихся на добрую морскую милю песчаного побережья траншей, выложенных чёрными водорослями, пришлось исполнять коллективно в течение трёх суток всей «оформительской бригаде» с подключением наиболее физически крепких литераторов-участников форума. Геоглиф, т. е. буквально «надпись на земле», гласил: «LOOK TO THE HEAVENS» («Смотри в небеса»). Редкая форма множественного числа призвана была напомнить зрителю о суетной гордыне шумерских прожектеров («... и построим башню высокою до небес»), о множественности обитаемых миров, о семи высших сферах Аллаха, об этажах Эмпиреев, наконец. И хотя «редкий зритель долетит до середины Боспора», свежевскопанная крымская Наска привлекла напряжённое внимание семейства воздухоплавающих. Над фронтом земляных работ постоянно кружили вертолёты то украинской, то российской пограничной службы, рыбной и охотинспекции, и целый выводок вертолётов Багеровского летного училища. А через месяц Валерий Айзенберг, выехав с персональной выставкой на год в США, передаст оргкомитету Форума снимки геоглифа, сделанные из космоса глубоко растроганными патетическим воззванием работниками службы спутникового слежения NASA. Как бы то ни было, всё это может лишь способствовать мифологизации данного художественного события.

Инсталляция Валерия Айзенберга и Ирины Даниловой «Рождение Афродиты из яйцеклетки» (шестиметровый квадрат из выложенных параллельными рядами гипсовых яиц, местами замененных небольшой копией головы Богини любви и красоты), совершившая ранее успешное турне по залам галерей Старой Европы, на этот раз была размещена на песке под открытым небом. Громокипящая (с тяжким грохотом) близость пенного Эвксинского Понта скрадывала банальные технократические ассоциации («инкубационный период», «квадратно-гнездовой метод» etc.), благодаря чему, по словам художников, «особую глубину приобрели её античные корни». Если вдуматься, включение авторами темы яиц в предложенную версию теогонии в чём-то отвечает классическим версиям: согласно Гесиоду, Афродита родилась из крови оскопленного Кроносом Урана! Во всяком случае, произведение осталось в памяти зрителей под условным названием «яйца Айзенберга».

Часть островного пляжа была покрыта отпечатками гигантского (размером не менее 0,8 локтя) человеческого уха. Этой маленькой акцией австралийский искусствовед Мария Гоуф продолжила осуществляемый последовательно на разных континентах планеты арт-проект «Уши Палеополиса» (в соавторстве с афинским художником Константиносом Иоаннидисом). Помимо античных аллюзий, произведение вызывало и прямую футурологическую ассоциацию – с «арабской» пословицей, придуманной Владимиром Войновичем для антиутопии «Москва 2042»: «Если приложить ухо к земле, можно услышать весь мир». Связан был проект и с коренной мифологией родины Марии: это Увана Кимпала, демон ночных страхов из пантеона североавстралийских аборигенов, не имеющий ни глаз, ни рук, ни ног, ни тела, а только одно большое ухо, прячущийся днём в кроне древовидного папоротника (прямо-таки напрашивается параллель с Иваном Купалой), в ночь цветения дерева спускается прослушивать живот великой Кунапики, плодотворной земли-прародительницы – не собирается ли она родить Человека, который своим первым младенческим криком сделает его ГЛУХИМ?..

Эффектным завершением пленэрной выставки явились работы Аристарха Чернышёва: инсталляция «Восставшие из пролива»⁵ в виде вереницы заполненных водой лабораторных

---

⁵ Эта инсталляция, как и «Рождение Афродиты из яйцеклетки», была повторена художниками через десять лет

колб, протянувшихся с двухметровым интервалом по узкому окончанию песчаной косы острова, в каждой колбе плавало по длинной серебристой рыбе странной наружности; и перформанс «Боспор – Бикини», заключавшийся в серии ослепительных взрывов вдоль совершенно голого побережья (взрывы порождались жестикуляцией стоявшего в отдалении среди зрителей автора). Естественно пришедшие на ум зрителям-крымчанам предположения об эколого-дидактической концепции этих произведений были решительно отвергнуты художником. Признающий высокую вероятность приближения онтологически обусловленного всеобщего Конца, Чернышёв объяснил собеседникам, что в его задачу входит не доказательство или опровержение эсхатологических гипотез и не борьба с частными проявлениями тенденции материи к самоуничтожению, но более соответствующее его компетенции оформление по законам гармонии того исторического отрезка, который дано просуществовать лично ему. Таким образом, его работы суть не «антиутопия» и не «предостережение человечества от преступлений против природы и от ужасов ядерной войны», а лишь осмысленная эстетически фиксация неких существенных моментов Истории, безнадежная попытка нахождения толики прекрасного в обстоятельствах гибели, бесстрастная регистрация красоты капли янтаря, заключающей в себе законсервированного заживо комара...

Не будем столь подробно останавливаться здесь на литературном блоке Форума, – хотя не исключено, что со временем он будет мифологизирован не менее художественно-образительной части – учитывая высокий уровень его участников и разнообразие представленных литературных направлений и школ, а также всеобщую воодушевленность идеей проведения в будущем году следующего этапа Форума с дальнейшим расширением состава; учитывая, наконец, некоторые легко поддающиеся мифологизации эпизоды, как, например, несанкционированный акт символического жертвоприношения, совершённый заочно над одним из наиболее прославленных участников⁶...

Дополнительным фактором, способствующим более прочному запечатлению в общественном сознании изложенных событий, может стать и основанный в эти дни так называемый Музей Аристоника (названный в честь упомянутого выше А. Олинфского, символизирующего здесь любовь боспоритов к искусству). Согласно форумным методическим пособиям, Музей предназначен «для аккумуляции культурных реликвий, связанных с посещающими Боспор-Керчь деятелями и исследователями искусства, служа тем самым дальнейшей фетишизации Творчества». В число первых музейных экспонатов, между прочим, вошли:

- древнегреческая амфора, изготовленная керченским керамевтом (т. е. гончаром) Василием Неголубевым и покрытая автографами участников Форума;
- карандаш ведущего специалиста Алупкинского историко-культурного заповедника Анны Галиченко (этим карандашом ставились подписи на амфоре);
- личная «флагманская» лопата («кисть мастера») Роста Егорова, которой наносились на побережье Тузлы контуры будущего геоглифа;
- пробирка с остатками бензина, использовавшегося Аристархом Чернышёвым в акции «Боспор – Бикини»;
- трубочный табак (уже в виде пепла), который курил М. Боде, читая на о. Тузла перед камерой Черноморской телерадиокомпании лекцию о концептуализме;

(16.11.2003) в Москве, на острове Серебряный Бор, в рамках акции протеста Крымского геопоэтического клуба против политического конфликта между Украиной и Россией вокруг о. Тузла.

⁶ «...Проникнувшись преданиями греко-варварской Тавриды и устав от ежевечерних бдений в одном из городских залов, молодые поэты предались античному безумию: для акта символического жертвоприношения ими был выбран старший собрат по перу, известный поэт-семидесятник. Пожалуй, здесь уместно будет вспомнить слова древнего историка: «К северу от Поишта живут племена славян, и живут они недружно» («Коммерсантъ-Daily» № 192, 07.10.1993, статья М. Боде «Труды и дни на краю ойкумены»).

– раковина тридакны, привезённая Сидом из последней его экспедиции на Мадагаскар, с неприличной надписью на малагасийском;

– гипсовое «Ухо Палеополиса» Гоуф – Иоаннидиса;

– гипсовые же элементы инсталляции Даниловой – Айзенберга: подписанные авторами голова Афродиты и яйцо;

– последняя расчёска заканчивающего лысеть ялтинского поэта Сергея Новикова.

..Отложится ли что-нибудь из происшедшего той осенью в Крыму в культурной памяти населения – в виде достаточно жизнеспособной мифологемы, которая смогла бы противостоять энтропийному прибою нынешнего социального и экономического хаоса? Пока неясно. Уже сейчас ясно одно: Боспорский форум – дело не одного года; это дело даже не одного поколения культуртрегеров и мифотворцев. Необходимы десятки и даже сотни лет неустанных трудов... Увенчаются ли они успехом?

Ignoramus – et ignorabimus.

Октябрь 1993

Екатеринославъ. Въ ожиданіи приятной катастрофы⁷

«...Ведь Днепрпетровск – это слово, выхваченное из Преисподней».

А. Жвакин.

«– Послушай, Сид!.. Хороший город – Днепрпетровск. Давай и там проведём какой-нибудь форум!»

Слова, неожиданно произнесённые в Тавриде летом 1995 года, под занавес очередного Боспорского культурологического шабаша, крымским поэтом Андреем Поляковым, прозвучали для меня первым долгожданным и целительным ответом на одну давнюю загадку...

Прожив в Днепрпетровске с двухмесячного возраста (родился в 1963 году в Крыму) до окончания университета, я был с младенчества глубоко уверен, что город тщательно скрывает от меня некую тайну. Имелись небеспочвенные подозрения, что разгадка её кроется в каком-нибудь погребе или на чердаке, куда родители меня не пускали. Скоро мы уехали в Африку, потому что папа был физик, а братскому африканскому народу, освободившемуся от ига, нужны были учёные. В Африке в подполье почему-то не тянуло – всё интересное там на поверхности. Через год мы вернулись обратно. И хотя я как раз стал октябрёнком, таким послушным быть уже не удавалось. Поэтому я кинулся изучать с новыми приятелями те самые крыши, чердаки и подвалы – маргинальное, тревожащее, проблемное поле Днепрпетровска. Фекальные воды, просачивавшиеся в потаённый подземный город из канализационной системы, обидно ограничивали наши исследовательские возможности. Но к четвёртому классу Ян Валетов изобрёл *мокроступы*, и в катакомбах под его домом (внутренний двор с обратной стороны ТЮЗа) мы, пользуясь ариадниной бельевой верёвкой километровой длины, нашли – среди прочего, о чём вообще нельзя рассказывать – *скелет фашиста, прикованный к пулемёту*. Да, богом быть трудно, и все воследовавшие годы моя *человеческая* фантазия наперегонки с воспоминаниями периодически прорывалась за этот предельный навсегда километр.

Осенью 75 года Ян прибежал сообщить о создании в городе – «именно об этом мы мечтали!» – Клуба Фантастов. Загадку родного Лабиринта мы учились теперь экстраполировать на всё советское – а сразу же и на антисоветское и межпланетное – пространство. Помимо сочинительства в жанре *short short story*, я иллюстрировал рукописный – ненадолго разрешённый аж обкомом партии – клубный журнал «МиФ» («Молодёжь и Фантастика»). Верный мечтам молодости, наш тогдашний коллега Саша Левенко нынче издаёт вполне солидный, типографский «МиФ», а его бывший напарник Саша Кочетков, надувая щёки, укатил вслед за ихним заводским шефом Леонидом Кучмой в Киев – главой президентского *Департамента имиджа и визаж*. Председатель Клуба Леонид Панасенко угодил через много лет в Симферополь, в председательское же, разумеется, кресло крымского Совписа, и даже был командирован ко мне в Керчь для наблюдения за одним из Боспорских форумов. Всё обошлось благополучно, если не считать инцидента, когда вместе с керченской писательской ячейкой, нахрапом увезя от форумной компании, они опоилю страшной литфондовой водкой ни в чём не повинного, равно доброжелательного ко всем Ф. Искандера. Валетов живёт антисоветским (каким же ещё?) бизнесом и мелькает на телеэкране в межпланетном «Что? Где? Когда»; Виталик Жураховский, блестящий англичанин, сегодня один из самых крутых в СНГ переводчиков фантастики и триллеров, и если вам ничего не говорит его фамилия, то зажмите ему нос прищепкой

⁷ Основой для очерка, опубликованного 9.09.1998 в «Русском журнале», послужил текст, написанный в 1996 для самиздатского альманаха «Артикль» (Днепрпетровск).

и попросите произнести что-нибудь типа: “Дэн, я начинаю стрелять!” – “Паш-шол в задницу, срань господня⁸, понял?”

В 80-х началась генеральная перепланировка городского центра. Милые моему сердцу ветхие кварталчики доминошными рядами ложились под феллиниевской гирей просвещённой градостроительной мысли. Чудом устоял дом 3 по Московской (или она уже улица С. Бандеры?..), напротив ЦУМа, где до 78-го жила в комнатке на втором этаже моя семья. Но поднебесные семирамидины тропы наших давешних изысканий, опутывавшие серпантинном крыши и чердаки десятков домиков и домов, исчезли из этой реальности. И только в памяти детства пульсируют невидимые в воздухе новообразованных скверов и пролётов (как например между Театром Шевченко и задним двором старого “Детского мира”; между Новым мостом – именуемым так тридцать первый год со дня возведения – и площадью Ленина), уничтоженные вместе с архитектурным антиквариатом пунктирные траектории “по сокращёнке” и альпинистские маршруты повышенной сложности, рекогносцировочные аулы и разворовывавшиеся сверстниками из враждебных кланов наши профессионально сколоченные орлиные гнёзда.

Загадка растворилась в опустевшем просторе, в атмосфере, в сложно структурированном прозрачном небе Днепропетровска, и в 85 году, сцепив зубы, я добился долгожданного распределения в керченский НИИ океанографии, в лабораторию биоресурсов Индийского океана. Между экспедициями, буднично отягощёнными поэтическим вдохновением, я обнаруживал себя в литературной Москве, особенно в командорском подвале – светлой памяти – газеты “Гуманитарный Фонд”. Потом было явление группы “Полуостров”, и сессии Боспорского форума, и открытие в Москве Крымского геопоэтического клуба. Случилось так, что Форум и Клуб разделили между собой “хроноскопические” роли: первый заострён на прошлом культуры (“наследие истории сквозь призму современной эстетической мысли”); Крымский клуб же – на её настоящем (вечера *ещё* живых классиков, всяческие круглые столы и конференции на злобу дня). Но вот на последнем Форуме прозвучали и другие доклады: “*Будущее как опечатка*” (Изяслав Гершмановских, эссеист, Лос-Анджелес), “*Гео – эго, или Дата Светопредставления*” (Владимир Микушевич, философ, Москва), “*Девять Завтра мировой фантастики*” (Андрей Цеменко, дегустатор фантастики, Крым), “*Древность и будущее Средиземноморья*” (Аркадий Ровнер, литератор, Нью-Йорк), “*Эсхатология, как синдром fin de siecle*” (Кнутс Адевитс, филолог, Тарту). Пикантность ситуации заключалась не только в объективном приближении Миллениума, но и в субъективных психиатрических нюансах автора данного очерка, исподтишка муссировавшего дебаты.

Доморощенной эсхатологией я страдал всю жизнь. Лет в девять догадался, что являюсь инопланетным разведчиком, имплантированным в тело советского мальчика. Легенда была такая, что я хочу хорошо учиться, а на самом деле задача была разобраться, зачем и куда развивается человечество и, прикинув с точки зрения этики Универсума, решить – пускай себе развивается дальше или... ну, в общем, свивать обратно. Однако к пятому классу миссия была с позором раскрыта, и в художественной школе я уже носил кличку “Марсианин”. Беседа с подкованной пионервожатой в Артеке заразила навязчивым, но глубоко осмысленным ожиданием американской атомной бомбы, однако это вскоре рассосалось. Ключевыми в недописанной в старших классах (в соавторстве с Жураховским) повести “Пижама кентавра” виделись мне слова одного собрата по разуму: “*Ребята, до точечного схлопывания Вселенной осталось меньше десяти миллиардов лет. НАДО КАК-ТО СПАСАТЬСЯ!*”. Позитивистское научное воспитание, разумеется, не допускало в призыве какого-либо сотериологического (ну, в смысле, связанного со Спасителем...) подтекста. Все эти горькие украшения и сладкие метания пришли с годами.

---

⁸ В смысле, god's shit: иногда произносится вместо dog's shit.

С конца 80-х мои и близких мне людей – режиссёра Форума Оксаны Натолоки, с которой переживали мы тогда героический роман и счастливую семейную жизнь, А. Полякова и др. – московско-крымские демисезонные миграции включали Днепропетровск, где по-прежнему живут мои и Оксанины родители, в качестве перевалочного пункта. Далее, там работает мой школьный приятель, металлофизик, а теперь предприниматель Алексей Джусов, ставший в 1994–1997 годах меценатом моей культурной, скажем так, деятельности. Инвестором проектов был российский минкульт⁹, затем крымский, средства же для поддержания штанов я получал от Лёши (творческий альянс с которым, между прочим, впервые состоялся в девятом классе: была учреждена особая, принятая всеми одноклассниками, разновидность парадоксально-дебильного юмора, т. н. *сиддженский юмор*). Другой однокашник и друг, высший математик, а ныне астролог (увы, уже германский) Евгений Царфин – стал на заре перестройки автором заказанного местной прессой нашумевшего гороскопа Днепропетровска. No mystification: есть точная дата и время основания города – 10.55 утра 9 мая 1787 года, закладка Преображенского собора (нынче Музей истории религии). Первый камень Екатеринослава заложен лично императрикс, помышлявшей, ни много ни мало, перенести сюда российскую столицу. Большевики элегантно переименовали город в честь подпольщика Петровского (новоязовским словом наподобие *Волгокуйбышева* или *Балтоленинграда*). Нынешний беспредел демократии до реноминации не дошёл: Бабу Катю на Украине по понятным причинам не любят. Бродит, наоборот, идея вернуть название Січеслав, ненадолго возникшее в послеоктябрьский период в память козацкой Сечи. За два столетия город посетили, начиная со ссыльного Пушкина, едва ли не все отечественные исторические лица; старинные фасады сплошь в гранитных табличках. Последние полвека за железным занавесом знали лучше нас, что *Dnepropetrovsk* – это ракетно-ядерный ЮМЗ (помню, помню этот душераздирающий ночной вулканический гул ниоткуда), таинственное “КБ Южное” (эти надоедливые НЛО над ландшафтом) и пр., короче – эпицентр Империи Зла, кузница красного милитаризма.

Так вот, летом 90 года Царфин зазвал нас познакомиться с одним из лидеров тамошнего андеграунда, Андреем Жвакиным. Открытие было колоссальным! Выделившаяся в конце 80-х из движения “ХЛАМИДА” (“Художники, Литераторы, Актёры, Музыканты И Другие Агитаторы”¹⁰), банда синкретического искусства “Насыщение мифами пространства сада” во главе с А. Жвакиным и Д. Ныrkой (ни то, ни другое имя так и не оказалось псевдонимом) базировалась в обожаемом мною Ботаническом саду. В холодной каптёрке и знойной оранжерее, под сенью гинкго и араукарий совершались по-настоящему любопытные опыты в разных жанрах: музыкально-шумовые, текстуальные, визуальные, смешанные, – позволявшие говорить не только о серьёзности дарований, но и – что не столь принято в провинции – о неплохом вкусе. Подаренный Жвакиным экземпляр его “Полифонической поэмы” – бумажная простыня с параллельно ниспадающими каскадами текста – по сей день украшает дверь моего кабинета в крымской квартире. Строки же из поэмы, вынесенные теперь эпитафией к этим запискам, заставили меня вздрогнуть при первом ещё прочтении...

Соотнесение города с адом – жест понятный: урбанистическая аллитерация, обнажение метафизики родного топонима¹¹. Главное было в другом. *Для них тоже существует тайна Днепропетровска!* Её романтические искатели, – а возможно, уже хранители, – продолжили то, от чего я когда-то малодушно отступился, предпочтя открыть свой квест примитивной цир-

⁹ Финансовую поддержку первому Боспорскому форуму оказало Управление изобразительного искусства Министерства культуры России, которое возглавлял выдающийся куратор и арт-критик Леонид Бажанов.

¹⁰ Очевидная реминисценция на название арт-кафе в Киеве начала XX века «ХЛАМ» – также являвшееся аббревиатурой наименований творческих профессий: Художники, Литераторы, Артисты, Музыканты.

¹¹ Действительно, «днепропетровск» содержит все согласные «преисподней». «Катастрофа» же консонантно присутствует во всём «футурологическом». Онтология, однако!

куляцией брэнного тела вокруг глобуса. При дальнейших визитах я искал сближения с мужественными и умными рыцарями городской тайны. Так на моём горизонте появились «старославянский монах» живописец-абстракционист Сергей Просветов, продвинутые культуртрегеры с диссидентско-лагерным прошлым (одному нет пятидесяти, другому и сорока: окрестные островки ГУЛАГа затонули вчера вечером) Семён Заславский и Артур Фредекнд; гениальный украинский актёр Михайло Мельник, создавший, вопреки рогаткам завистников и наплева-тельству властей, собственный монотеатр и уносящий диковинной игрой в катарсис даже не знающих языка; подвижник литературного самиздата, основатель славного двуязычного альма-наха “Артикль” Юрий Малиночка; колоритный русский прозаик, собиратель хипповско-рас-таманского фольклора Дмитрий Гайдук (зависший сегодня где-то в нирване между Полтавой и Москвой), злой писатель с трагической нотой Александр Хургин.

..И вот, дорогой моему сердцу автор произносит, почему-то на дальнем Боспоре, ту самую фразу о подходящем городе. Спонтанное упоминание, в контексте наших прожектов, столь много когда-то значившего в моей судьбе города имело для меня – буксовавшего в догад-ках о надвигающемся футурологическом куске жизни и о конкретном театре дальнейших дей-ствий – как минимум терапевтический эффект. Бытовой экзистенциальный невроз на тему “что же будет со всеми нами?!” крепчал, судорожно хотелось подстегнуть свои утлые умствен-ные способности диалогом с толковыми людьми. Крымский оракул устами Полякова внушил мне, что скромный полуторамиллионный город с двадцатью вузами и неперемной Игренью (мозговой отстойник – дурдом в одноимённом пригороде), со строившимся 25 лет и таки пущенным на днях метро, Днепрпетровск (по-свойски – “Днепр”) и есть искомая третья игро-вая площадка в схеме “ретроспектива – интроспектива – перспектива культуры”, после Форума в Крыму и Клуба в Москве. Заглавие напросилось давно: “Футурологический конгресс” – по названию смешной повести-антиутопии С. Лема.

Кстати, ещё одним загадочным проявлением города мне видится подозрительно боль-шое (здесь слегка повышен природный радиационный фон) число рождённых им творческих колоссов, – правда, никто из них не стал пока *Genius loci*, как Айвазовский для Феодосии или Волошин для Коктебеля: оперившись, все улетали ещё в молодости. Отсюда родом советский Михаил Светлов, антисоветский Александр Галич, концептуалисты Илья Кабаков и Георгий Литичевский, писатель-эмигрант Фридрих Горенштейн, поэт-классик Лианозовской школы Ян Сатуновский. Здесь родился один из крупнейших скульпторов XX века Вадим Сидур. Нельзя забывать и таких титанов, как криминальный баритон Иосиф Кобзон, и днепродзер-жинский прозаик Леонид Брежнев, и, наконец, его тёзка Президент Кучма со всей свитой... Недаром частенько слышишь здесь гордое: “*Мы – теневая столица Украины!*”. Имеются в виду и монструозный *ВПК*, и под стать ему “*КВН*”, и “Что? Где? Когда?”, и Брежнев с Кучмой, и сказочное всесоюзное открытие эпохи застоя – днепровско-криворожская мафия, – то-то нашенский фантомас “*Матрос*”¹², отсидев свои 15 лет, как раз сейчас вышел на свободу. Всё это – не подтверждения ли потенциальной исторической уникальности города? Предчувствие коей, возможно, и есть то самое ощущение тайны.

Наконец, “Днепр” – родина крупнейшего оккультиста XIX века, сдвинувшего крышу не одному поколению неофитов, – великой Блаватской. Здесь Е.П. родилась и – не побоюсь этого слова – возмужала, и отсюда берут истоки её матриаршие труды. А поборниками и фанати-ками её учения освоены уже все пять континентов, ибо во всяком случае полгода в 1986 году со мной в антарктической экспедиции работал московский радиопизик, таскавший с собой

---

¹² Прозвище криминального авторитета, основателя днепрпетровского рэкета Александра Мильченко, ставшего знаме-нитым после своего ареста в середине 1980-х.

перепечатку – ещё машинописную – фрагментов “Тайной доктрины”¹³, и упорно произносивший “Екатеринослав” с палатализующим “ль” на конце. Впрочем, лично я, к стыду своему, любви к мэтрессе никогда не испытывал (“...*На подвижной лестнице Блаватской / я займу последнюю ступень*” – А. Ерёмко). Висящий в “Днепре” в каждой приличной духоборческой квартире фотопортрет Елены Петровны в пост-бальзаковском возрасте поразительно напоминает посмертную соратницу мумифицированного советского махатмы. Совсем уж не к месту чудится тенорок Т. Кибирова: “...*как Ильич, оно бесплодно, / и как Крупская, страшнО*”.

Если Конгресс удастся, он сообщит Днепропетровску определённый необычный имидж: мировой карте на рубеже тысячелетий не помешает специальный город, думающий о завтрашнем дне человечества, – и это местными интеллектуалами воспринимается как должное. Тех же, кто привык видеть себя (пусть на здешнем фоне) звездой первой величины, вторжение созвездий прославленных и ярких людей может здорово обескуражить, – отсюда в заглавии очерка термин “катастрофа”. Среди греческих значений этого слова, помимо “резкого поворота” и др., Вейсман приводит “ниспровержение новыми законами старых”; Фасмер же отыскал в русских диалектах восхитительную народную этимологию: “костовстрёха”. Костовстрёхой и оказался для Крыма Боспорский форум. Но любой шок проходит, и прежние противники проекта, бросившись в мозговые штурмы и поняв свой тембр в общей многоголосице, уже не откажутся от игры в бисер.

---

¹³ Откровенная рекламная заманчивость такого заглавия для любого зеваки отменяет саму ЭЗОТЕРИЧНОСТЬ небезопасных знаний. Заглянув в материалы Блаватских чтений, с безотчётным страхом натыкаешься на пассаж типа: «уже десятки миллионов людей во всём мире приобщаются к эзотерике «Тайной доктрины»...».

Город вечной мечты¹⁴

*«Зовётся Керчью этот край,
Где от тоски хоть умирай»
Игорь Северянин, 1930-е*

*«Ты был в Керчи?
Не был?! Так молчи!!!»
Ляпис Трубецкой, 1990-е*

*«...Всё ракушечник, песчаник,
Ожидание Керчи,
Звуки частых обещаний,
Руки греческих пловчих»
Николай Звягинцев, 2001*

Уже который месяц я не мог написать статью о городе Керчи, заказанную альманахом «ОстровКрым». Я не понимал, что со мной происходит. Изложить хорошо знакомый, тем более биографически близкий и прочувствованный материал? Free & easy! Жил и действовал там с 1985 по 95 год, с перерывами на тропические экспедиции. И на заре своей эссеистики именно о Боспоре-Керчи сделал пару бойких псевдонаучных текстов, заинтриговавших, кажется, немало народу.

Я привычно пообещал сработать быстро. Но ничего, кроме бессвязных обрывков, не возникало. Тема, как заколдованная, выталкивала при попытках в неё погрузиться. Редакция торопила, я изворачивался, врал, что вот уже почти готово, остаётсяшить тщательно выписанные куски...

И я понял, что дело серьёзное. Необыкновенный, магнетический город Керчь больше не пускает меня писать о нём –

во всяком случае, писать навскидку, без напряжения душевных сил. Скорее даже не сама Керчь, а моё неосознанное чувство ужасной перед ней, Керчью, вины.

КАЮСЬ

Боспорский форум, что бы ни скрывалось за этим термином, мы провели с друзьями трижды с 1993 по 95 год. Акция имела много смыслов и подтекстов, но для меня это был ещё и опасный эксперимент: растормозить летаргическую жизнь города с трёхтысячелетним прошлым, чьи фильмы снов, десятилетиями перематываясь по кругу, выхватывают из прошлого одни и те же грандиозные видения, анекдоты о былом величии края. Вырвать зачаточный мегаполис из объятий Морфея, вдуть в опавшие вены гемоглобин, глюкозу, адреналин нового искусства, растолкать пульс современной гуманитарной мысли...

Льшу себе надеждой, что удалось. Но с каждым годом найти спонсоров для заумных игрищ становилось всё труднее. Приятель-бизнесмен Серёга Солодилов (пристреленный в 96-м городской мафией за неконтролируемость, земля ему пухом) обзывал меня в роли фандрайзера «сыном лейтенанта Шмидта». Как позже написала питерская поэтесса Полина Барскова, «в золочёных доспехах отвергнутый плавится Сид». Экономический кризис неумолимо нависал. Четвёртого Форума, несмотря на наши дёрганья, не последовало – ни в 96-м, ни в 7-м, ни в 8-м. Я же всё больше сил посвящал созданному в Москве Крымскому клубу, который стал Форуму и заменой, и реальным, пусть на иной площадке, продолжением.

---

¹⁴ Эссе написано в декабре 2000 по заказу альманаха «ОстровКрым». Фрагменты опубликованы в журнале «Крым», № 1, 2002.

«Вы попользовались Керчью, как женщиной, а потом её бросили», швырнула мне в лицо директриса «Телекомпании

Керчь». Дело не в хорошенькой директрисе, её я пальцем не тронул. И не в двух бурных романах, пережитых мною здесь – до и после пяти лет счастливого брака. Ревнивая местная элита пыталась разглядеть за игрой в бисер финансовые махинации либо карьеристские па.

Вот я, обессиленный оргсуетой и недосыпанием, рыдаю на плече одного из наших болельщиков, редактора городского радио Игоря Ефименко. Это после реплики журналистки-зрительницы Форума, ещё вчера тоже союзницы: «Мне объяснили, что Форум Вы устроили, чтобы крутить аферы на деньги российского Минкульта». Патриарх почвеннической прозы Василий Маковецкий сразу после выставки инсталляций на о. Тузла пишет было взволнованный рассказ – впервые в стиле фэнтези – «В дождливый день на острове», где даёт неожиданный творческий портрет не кого иного, как московско-ньюйоркского концептуалиста Валерия Айзенберга. Но на следующий день бежит в газету и забирает рукопись, и никогда уже её не публикует. (А я утаил экземпляр! и при случае с радостью обнародую.) Зато через год печатает в «Правде Украины» положительную рецензию на второй Форум, а ещё через год – эпохальный критический очерк «Заметки старого ворчуна» о герметичной поэзии участника всех Форумов Н. Звягинцева, где прилагает стахановские усилия к освоению формальных новшеств в изящной словесности.

Ни попыток встроиться в номенклатуру, ни тайных денежных операций следопытам от местного бомонда вскрыть не посчастливилось. И с годами самая лютая оппозиция поверила, что «праздник болтовни как жанр искусства», как приветствовал наш Форум С. Аверинцев, и был на самом деле простодушным праздником. Но я-то теперь знаю, что, ожидая от меня какой-нибудь подлости, права первоначально была она!

Я поманил, раздражил это сонное, трогательное в своём наивном снобизме и благородном аутизме сообщество –

вымпелом (жупелом?) духовной свободы, фата-морганой культурного моста, призрачной лестницей в столичное небо. Соблазнил. Совратил трижды – и смылся.

«АГРЕССИВНАЯ КЛОАКА»

А противник был что надо, честное слово! Скажу заранее, что победили всё-таки наши, но чего это стоило... Война велась по всем канонам провинциального театра, или, скорее, маленького, но гордого аула, оберегающего свою девственную чистоту. Фотограф главной городской газеты «Керченский рабочий» (большинство редакции первое время нашим забавам, мягко говоря, мало симпатизировало) заявил до начала всех событий, что применит «все возможные средства» для борьбы с «чуждым городу проектом». Первое упражнение он ещё как-то перетерпел, но на второй год, когда понаехали Искандер, Аксёнов, Кибиров, Войнович & Со, Н. разразился памфлетом «ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ на Боспорский форум современной культуры». Хрестоматийно оркестрованный пасквиль был подкреплён портретом Аксёнова, нагло переплывающего брассом Керченский пролив. На носу прозаика красовалась пририсованная для наглядности предательская горбинка. Форум однозначно истолковывался нашим экзегетом-патриотом как жидомасонский десант.

Василий Павлович так и не узнал о тайной подоплёке своего визита. Ничего не подозревая, он дал здесь несколько оптимистических интервью, – несмотря на нюансы нашенского гостиничного сервиса, от коих он так давно отвык и потому был слегка шокирован. Однако уже через полгода городские депутаты кричали мне, что из-за меня мы тут все пригрели на груди змею! Рассказывая о Форуме на «Голосе Америки», писатель подчеркнул, что побывал в Керчи впервые, и охарактеризовал её как «нормальный заштатный совковый городишко». Не знаю, что им не понравилось, видимо, эпитет «нормальный» вправду унизителен для уни-

кальной Керчи. Позже мне и самому попался в его московском интервью «Аргументам и Фактам» (или в парижском интервью «Известиям»?) удивительный ответ на вопрос о свежих московских впечатлениях. *«В Москве происходит быстрая вестернизация. Остальная страна довольно медленно движется по этому пути, и даже есть ещё места заповедного совка, – например, Керчь, – где доски почёта до сих пор висят, и Ильичи стоят нетронутые».* То есть после Форума, где бы В. А. теперь ни находился, в Москве, Париже или у себя в Вашингтоне, он уже как бы не говорит вообще ни о чём, кроме Керчи. Но это ещё пустяки! В хронологически предпоследнем и, на мой вкус, лучшем произведении Аксёнова, романе «Новый сладостный стиль» главный персонаж, отчасти совпадающий с автором, делится с читателем такими воспоминаниями о том самом керченском отеле, что просто держись! Предоставляю любителям самим найти это место – и гарантирую заодно огромное удовольствие от жутко весёлой и жутко грустной книги.

В общем, немало заслуженных помоев (всякому авгию по трудам) вылилось в нужное время на голову автора этих строк. Недаром мне так нравилась совковая шутка про «инициатива должна быть наказуема». Я был прав, вкладывая все свои силы в промывание магического пространства, но ведь я был и неправ – будоража глубоководный омут с устоявшейся хрупкой экосистемой! *«И стало ясно, что пара вёсел / Тихую воду сведут с ума...»* (Тарковский). После первого Форума имело популярность фото, где я измеряю методом отвесно утопленной тростинки уровень горячей слякоти в керченском грязевом вулкане Солдатская Слободка (онный сочится как раз в геометрическом центре города). Всеми так и понималось, что после Форума грязевой горизонт обязан повыситься.

Когда в интервью для журнала «Остров Крым» я с невольным уважением сказал об «агрессивной клаке в горсовете», корректор ничтоже сумняшеся исправил на «агрессивную к л о а к у». Так это и прочитали. Никто не повёл ухом и не моргнул глазом.

ЛИЦА

Написать о Керчи что-то цельное с каждым годом вообще всё труднее. Из-за вынужденной эмиграции активных и заметных персон распадается совокупное лицо города. Специалист по антарктической ледяной шукке мрачный украинофил Володя Герасимчук теперь чиновник киевского министерства, его коллега Генка Шандиков пахать продолжает по своей тематике, но уже в Буэнос-Айресе и Ла-Пасе. Сумасшедший бард и доморощенный метафизик Игорь Березюков (получивший у нас в институте статус «Борзюкова» в честь лагеря КСП «Борзовка», который в свою очередь назван в честь огибающего его мыса Варзовка) гитарит в подземных переходах Харькова, океанологи Сергей и Таня Хомутовы занимаются геохимией в подмосковном городке биологов Пущино. (В отличие от благоговевшего перед ним Березюкова, Сергей является продвинутым практикующим мистиком в ранге астрального инспектора.) Тележурналист Саша Беланов давно уже москвич и делает, в частности, собственную передачу «Ночное randevu»... Есть ещё более прославленный телевизионный керчанин, Сергей Доренко, но его мы лично не знаем и лишь с сочувствием следим за его политическими сафари. (Санитары леса не могут не вызывать уважения.)¹⁵

Год назад переехала в Симфи моя высокочтимая приятельница, пани Ядвига Шиманская, для соседок Надежда Владислововна, шляхетная полька, интернированная в 30-е годы, леди на велосипеде, не гнушающаяся ударных огородных работ, моржующая каждую зиму в море на своём восьмом десятке, – вдова скульптора Романа Сердюка, создавшего и возглавившего городскую художественную школу (с ним я знаком не был). Их старшая дочь, городская королева красоты Кася (Оксана), продолжила династию и тащит на себе эту самую школу. Что

---

¹⁵ Сочувствие и уважение, к сожалению, в течение ряда лет после написания текста исторически исчерпались.

касается покойного Романа Владимировича, культовой фигуры для местной интеллигенции, то в своих арт-проявлениях он, яркий человек и педагог, бывал иногда не столь бесспорен. Во всяком случае, созданные им стройные грифоны (геральдический тотем Керчи), заново украсившие Митридатскую лестницу, вызывают почему-то ассоциацию не с грубой и плотской эпохой титанов и атлантов, а скорее с изящной, ударного труда и культурного досуга, передовой птицефабрикой, а такой же советский Пушкин, сохранившийся в виде эскиза и выдвинутый группой энтузиастов на почётный пост шедевра в городском саду, надеюсь, всё же останется как есть неудачным наброском. Мне тяжело это писать, я нежно люблю Ядвигу и трёх её гордых красавиц дочерей, но я по горло сыт московским гением Церетели, а в дорогой мне Керчи и без того, как я уже цитировал Аксёнова, «Ильичи стоят нетронутые».

В столицу Крыма перебрался писатель и многоопытный врач Александр Грановский, слиянием двух своих ипостасей создавший новое направления в психиатрии – литературу, т. е. лечение художественным текстом. Впрочем, литератор Саша и его супруга, *great profy* англо-русского перевода Галя Грецкая – вечные странники, не задерживающиеся более пяти лет в одном городе, в их списке как минимум Мурманск, Архангельск, Измаил, несколько крымских городов, в ближайшие времена – Торонто либо Нью-Йорк (в первом уже живёт сын, во втором дочь). То есть отъезд Грановских – не отступление, а наступление, случай никак не типичный.

..Но Бог меня раздери, если я соглашусь, что уехали все лучшие люди! Я не понимаю, почему кто-то остаётся в Керчи среди растущей нищеты и разрухи, как и на что они живут, но я счастлив, что они там есть и что есть к кому приехать в Керчь! Образ города неотделим от их просветлённых физиономий.

Это ихтиолог Коля Кухарев, верный старший товарищ, селф-мейд-мен, воспитавший себя из чуть ли не детдомовского безотцовщины в учёного флибустьера, тонкого ценителя тропического мира. Он был самым выносливым, то есть даже ночным, слушателем произведений участников Форума (как жаль, что на наше приглашение к себе в гостиницу после заседаний решались отозваться лишь немногие керчане!)... Это крупнейший в СНГ специалист по ихтиофауне индоокеанского шельфа Серёжа Усачёв, по чьей просьбе я провозил однажды контрабандой в ЮАР заново открытых акул-лилипутов – к состоящему с ним в переписке крупнейшему же в мире спецу по хрящевым рыбам Леонарду Компаньо. В отсутствие научных рейсов Сергей подрабатывает склеиванием многолитражных аквариумов для офисов... Это вечный юннат В. Ф. Демидов, носитель высшего знания о промысловых пелагических видах Индийского океана, за излишний авторитет среди коллег сосланный на пенсию завистливым очередным директором, но по уходу на пенсию самого директора снова активно привлекаемый к делу в роли стратега, эксперта и консультанта. Демидов опекал меня, наезжавшего в Керчь в свой будущий НИИ ещё с первого курса Днепропетровского универа, пас как будущего учёного, свою смену. Научника из меня не вышло, простите, Владимир Фёдорович! Надеюсь, вышло-таки нечто другое.

Это историк, глава археологической экспедиции Лёша Куликов, двадцать лет назад в бытность вдумчивым школьником открывший городище могущественной в древности Акры, одного из ключевых портов Боспорского царства, местоположение коего в проливе дискутировалось в мировых научных кругах целое столетие. Фантастика, но факт. Взрослые дяди археологи признали открытие лишь через пару лет, к окончанию триумфатором десятого класса. Изучать затопленную морем Акру хватит на всю жизнь, но главное, что Алексей разрабатывает основы новой научной дисциплины, исторической экологии: как взаимодействовало с биогеоценозом Боспора эллинское рыболовство и скифское хлебопашество? ... Таким же глубоким специалистом в своей области, но в антинаучной и несерьёзной, является программист Андрей Цеменко, аттестующий себя как «дегустатор фантастики». В начале 90-х он с единомышленниками из Севастополя и Николаева выпускал в самиздате очень профессиональный журнал сайнс фикшн, фэнтези и критики «Никогда». А палаточный лагерь любителей фантастики со

зловещим названием «Комариная плешь» на острове Тузла он устраивает ежегодно с начала 80-х. Андрей сообщил мне, кстати, что в мировой фантастике Керчь мелькает гораздо чаще, чем этого можно было бы ожидать, – даже у американских авторов...

Несерьёзным делом занят и Лёлик, то есть блюз-гитарист Алексей Блажко, лидер самой интересной, похоже, рок-группы Крыма с плавающим названием («Синкопа», «мАмали», «Свиной поросёнок», «Матросами не пахнет» и т. д. – никогда не пойму, заглавия ли это песен, альбомов или банды в целом). Один из самых утончённых и суггестивных лёличьих проектов – музыкально-компьютерная обработка спичей на городском радио (где он работает в должности звукооператора и, по всему видно, останется в ней до глубокой и безоблачной старости) различных начальников и политиканов. Ещё Лёлик дорог мне тем, что иногда ему снится, будто он – Крымский полуостров, и ему очень больно от всех этих шоссейных и железных дорог... Первая жена Лёлика, Шурик (Саша, т. е. девушка) – дочь Оксаны Сердюк и при этом внучатая племянница феодосийского пионера-героя Вити Коробкова. У нас тут в Керчи всё круто!

Можно понять, почему из Керчи не уезжают деловые люди. Патриотизм, наверное, не в том, чтобы хвалить свою родину, а в том, чтобы её поднимать. Первый бизнесмен, с которым я здесь сдружился, Володя Пучков, создал и возглавил городской союз предпринимателей. Он же был меценатом моей первой выставки, а потом помогал с Форумом – чаще всего из его конторы я звонил в Мюнхен Войновичу, в Вашингтон Аксёнову и в Москву всем остальным. В вязкой провинции бизнесу особенно необходимы политические рычаги, и лучшие или наиболее стратегически мыслящие дельцы неизбежно идут во власть. (Исключение – короткий период, когда в горсовет вошло некоторое число бандитов, оказавшихся по трагическому совпадению не лучшими и не мыслящими.) Образцами дальновидных бизнесменов мне запомнились Евгений Максименко и Анна Абакарова – последняя, родись она в другом тысячелетии, оказалась бы шемаханской или персидской царицей. Ей-богу, если метемпсихоз существует, то именно умной царицей Анна Александровна в предыдущий раз и была.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.